

УДК 13:14(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-2-71-78

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФИИ ЗАМАНИЗМА

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Вводная часть статьи описывает пограничную эпоху в жизни кыргызского народа, которая ознаменовалась значимыми социально-политическими и духовными сдвигами в регионе. Духовная жизнь кыргызов в это лихолетье отметилась возникновением консервативного философского течения – заманизма. Основная сюжетная часть исследования посвящена разбору концептуального наследия заманизма в лице Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча. Особое внимание автора посвящено разбору понятий – «этнокультурная традиция», «духовное предание» и фазовому развитию космических циклов в философских воззрениях акынов. Дается ёмкий обзор программных произведений вышеуказанных мыслителей в увязке с их трагическим мироощущением. Заключительная часть подытоживает духовное значение заманизма как целостного явления и фиксирует наиболее существенные стороны каждого из мыслителей в развитии консервативного взгляда на мир.

Ключевые слова: заманизм; консервативный путь; сакральное измерение; традиция; духовное наследие; эсхатология; хаос; предание.

ЗАМАНИЗМ ФИЛОСОФИЯСЫНДАГЫ ТРАДИЦИОНАЛИСТТИК ДИСКУРС

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Макаланын кириш бөлүгүндө кыргыз элинин турмушундагы аймактагы олуттуу коомдук-саясий жана руханий өзгөрүүлөр менен коштолгон чек ара доору баяндалат. Кыргыздардын ушул оор мезгилдеги руханий турмушу – заманизмдин консервативдүү философиялык агымынын пайда болушу менен өзгөчөлөндү. Изилдөөнүн негизги сюжеттик бөлүгү Калыгул, Арстанбек жана Молдо Кылычтын образындагы заманизмдин концептуалдык мурасын талдоого арналган. Автордун өзгөчө көңүлү – «этномаданий салт», «руханий уламыш» түшүнүктөрүн талдоого жана акындардын философиялык көз караштарындагы космостук циклдердин фазалык өнүгүшүнө арналган. Жогорудагы ойчулдардын трагедиялык дүйнө таанымына байланыштуу программалык чыгармаларына кеңири сереп берилген. Корутунду бөлүгү бүтүндөй кубулуш катары заманизмдин руханий маанисин жыйынтыктап, дүйнөгө консервативдүү көз караштын өнүгүшүндө ар бир ойчулдун эң маанилүү жактарын бекитет.

Түйүндүү сөздөр: заманизм; консервативдик жол; ыйык өлчөм; салт; руханий мурас; эсхатология; хаос; уламыш.

TRADITIONALIST DISCOURSE IN THE PHILOSOPHY OF ZAMANISM

D.D. Mukambetov

Abstract. The introductory part of the article describes the border era in the life of the Kyrgyz people, which was marked by significant socio-political and spiritual shifts in the region. The spiritual life of the Kyrgyz in this difficult time was marked by the emergence of a conservative philosophical movement - zamanism. The main plot part of the study is devoted to the analysis of the conceptual heritage of zamanism in the person of Kalygul, Arstanbek and Moldo Kylych. The author pays special attention to the analysis of the concepts of "ethnocultural tradition", "spiritual tradition" and the phase development of cosmic cycles in the philosophical views of akyns. A succinct overview of the programmatic works of the above-mentioned thinkers is given in conjunction with their tragic worldview. The final part summarizes the spiritual significance of zamanism as a holistic phenomenon and records the most essential aspects of each of the thinkers in the development of a conservative view of the world.

Keywords: zamanism; conservative path; sacred dimension; tradition; spiritual heritage; eschatology; chaos; legend.

XIX и первые десятилетия XX века стали одними из самых драматических в социально-политическом плане и идейно насыщенных периодов в духовном историческом кыргызского народа. Кыргызы находились перед лицом кардинальных цивилизационных перемен, которые со смутной тревогой ощущал простой народ и провидчески антиципировали акыны. С опорой на философское наследие предыдущих столетий кыргызские мыслители стремились осмыслить природу духовных перемен, геополитических сдвигов и найти своё место в стремительно меняющемся мире.

В соответствии с логикой переломных эпох соразмерные трансформации происходили и в этнокультурном измерении кыргызского народа, и в эти пограничные времена, когда наблюдалась динамичная смена общественно-политических декораций в регионе, на духовную авансцену вышла новая плеяда выдающихся мыслителей акынов-заманистов и акынов-гуманистов, которые были призваны отдать отчёт надвигавшемуся слову привычных устоев и выйти в область судьбоносных решений.

Эта пограничная эпоха ознаменовалась следующими грандиозными социально-политическими пертурбациями, наложившими неизгладимую печать на мироощущение и мировоззрение кыргызов: во-первых, после уничтожения Джунгарского ханства Цинским Китаем во второй половине XVIII века маньчжуры на волне военных успехов пытались закрепить свою политическую гегемонию над кыргызскими землями; во-вторых, в силу территориальных претензий на оккупированные ойратские владения началась серия ожесточённых конфликтов между казаками и кыргызами, длившаяся с 1759 по 1786 год; в-третьих, на рубеже XVIII–XIX веков усилилась социальная разобщённость кыргызских племён; в-четвёртых, в 20-х и 30-х годах XIX века Кокандское ханство вступает в активную фазу военной колонизации всего Кыргызстана; в-пятых, и это самое главное, усиливается осознание неизбежности фундаментальных перемен на фоне русского продвижения в Центральноазиатский регион.

Невзирая на системную ломку устоявшегося в веках социокультурного уклада, акынская поэзия, развивавшаяся издревле, начинает

приобретать зрелые философские очертания, мировоззренческую стройность и небывалую экзистенциальную заострённость в осмыслении грядущих перемен.

Как и в предшествующую идейную эпоху, наиболее яркими выразителями которой явились скептически настроенный Асан-Кайгы и преисполненный жизнеутверждающего духовного тонуса Толубай-Сынчы, неизбежно пульсирующая и антиномично насыщенная мысль кыргызов распалась на два сравнительно автономных мировоззренческих блока, с той разницей, что в центре идейного контрапункта кыргызов вместо вопроса о символическом достижении земли обетованной заняла реальная перспектива включения кыргызского народа в состав другой “обетованной земли” – царской России.

Представителей консервативного пути развития кыргызского народа принято называть акынами-заманистами. В их творческом наследии воплотились наиболее типологические особенности месторазвития Тянь-Шаня, доминантные черты традиции памяти. Заманизм ретроспективно ориентирован на сакральное измерение предначального времени.

Духовные взоры заманистов были обращены к сакральным истокам реальности, к первоначальному опыту священного в самосознании народа, к фундирующей цепи священных манифестаций, которые составляли столповый хребет этнокультурного уклада кыргызов и пронизывали все стороны традиционного миропорядка народа. Любой предмет, всякое явление и каждое существо в традиционном измерении, согласно концепции заманистов, пребывает на своём законосообразном месте и принадлежит к нерушимой цепочке символических сфер, через которые истекает нескончаемая эманация предельных смыслов, идущая от первородного онтологического истока.

Заманисты полагали, что каждый народ, исходя из уникального комплекса социоприродных факторов, создаёт свой неповторимый духовный уклад, служащий наиболее конгруэнтной моделью для сохранения этнического самосознания. Вертикально организованный миропорядок кыргызского социума, освящённый мифопоэтическими преданиями и испытанный

на прочность суровым диктатом времени, имел решающее значение в сохранении моральных норм, культурных институтов и являлся безальтернативным источником межплеменного равновесия у кыргызов. На почве этих представлений строилась их этнократическая концепция реальности, где все примордиальные элементы, институты и процессы в традиционном устройстве кыргызского народа наделялись высшей символической ценностью и не подлежали социокультурной ревизии.

Поэтому всякий социальный опыт, не освящённый авторитетом традиции и не вписанный в этнокультурную семантическую ткань кыргызского народа, чреват девальвацией духовного миропорядка, приближает профаническую область беззакония. В регрессивной логике заманистов движение мира скользит по покатоному склону вниз, в бездну забвения – от полноты к пустоте, от качества к количеству, от цельности к фрагментарности, где с каждой фазой отчуждения кыргызов от своих примордиальных истоков происходят рассыпание предначальной целостности, стирание коллективной памяти и распад этнического самосознания.

Находясь перед лицом исторического вызова, пронзительно ощущая драматическую ветхость кочевой модели бытийствования, усугублённую необратимой ломкой традиционных институтов, акыны-заманисты, преисполненные провидческих антиципаций грядущего эсхатона, стремились уловить дух трагической эпохи через свои жанрово озаглавленные произведения «Конец света», «Эпоха ограничений» или «Эпоха скорби».

Заманисты изначально не заключали никакой ангажированности против русских, они стояли за сбережение своей этнокультурной традиции, а поскольку общественно-исторической силой, приблизившей «тяжёлые времена» и воплотившей в жизнь их самые мрачные реминисценции о грядущем эсхатоне, стали именно они, то критическое остриё их нападков и объектом самых суровых оценок стала непрощенная пришедшая русская культура с её носителями и образом жизни.

Отечественный философ и исследователь заманизма Д. Жапаров выделяет следующий

корпус идейных позиций, который ёмко резюмирует их наследие:

- «неприятие социального насилия в форме русификации;
- противодействие искусственной трансплантации чужой культуры на аборигенную почву и разрушению структуры духовных ценностей малых народов;
- соблюдение этнического равновесия;
- сохранение незыблемости морально-этических основ феодально-патриархального кыргызского общества; развитие как круговорот; сдерживание изменения;
- осуждение отчуждения от национальных ценностей и др. [1].

Следует отметить, что непоколебимая вера заманистов в превосходство этнокультурных устоев и их желание сберечь сформировавшийся в веках образ жизни кыргызского народа в советское время станет предметом острой критики и системного замалчивания их консервативного наследия на долгие десятилетия. Тем не менее в народной памяти имена заманистов по сей день окружены особым ореолом святости, а их провидческие суждения, не подвластные глени времени, продолжают приковывать внимание учёных глубиной социологического взгляда и непревзойдённой точностью прогноза. Наиболее яркими выразителями консервативного круга идей были Калыгул, Арстанбек и Молдо Кылыч.

Калыгул Бай уулу – один из родоначальников акынской поэзии, великий провидец и основоположник духовной традиции заманизма – родился в 1785 году в Иссык-Кульской области и уже в молодые годы у него обнаружился дар провидца и вдумчивого мыслителя.

Немеркнущая слава Калыгула состоит в том, что он явился первым мыслителем, провозвещавшим о коренных изменениях в номадическом укладе кыргызского народа. Его трагическая модель, фиксирующая неуклонно распадающийся образ мира, пронизана горестным осознанием радикальных перемен, которые приведут к необратимому распаду хорошо знакомой ему реальности.

Забегаая немного вперёд, отметим, что непревзойдённой гениальностью Калыгула,

по существу, были очерчены все дальнейшие идейные маршруты становления самого знаменательного духовного феномена XIX века – заманизма, а его неуёмная энергия объяла всю палитру содержательных манифестаций, которые возникали на почве этого трагического мироощущения. Наиболее полно заманизм раскрывается на ниве наследия Калыгула.

По Калыгулу, бытие каждого этноса содержит в себе безмерную мощь хаоса, которая убыстряет или замедляет бег времени, намечает и сворачивает цветение феноменальных форм. Примордиальный хаос, таящийся в глубине этнического самосознания, противостоит силам порядка, стремится опротестовать затвердевшую в косных законах размеренную жизнь народа: «Эл турмушу эрте-кеч, Кумурсканын уясындай, Ары көч да бери көч»¹.

Целевое назначение этноса, который изнутри охвачен этим напором разрушительных стихий, выражается в том, чтобы найти такое социокультурное уравнение, которое позволит укротить эту протестную энергетику и вовлечь её усмиренные силы в космоцентричную жизнь народа. У каждого этноса существуют свой примордиальный хаос и своя уникальная духовная программа по её освоению. Поэтому внутри каждой этнокультурной традиции залегают свои протестные силы, которые она сдерживает и ставит на целевую службу народу.

Всё это составляет инклюзивную формулу этнокультурной традиции, где всякое внешнее вмешательство приводит к рассогласованию установленных традицией онтологических пропорций. Вторжение сил хаоса в жизнь народа погружает его в безвременье, обнуляет его духовную программу и отчуждает от собственных законов космоцентричного развития. Скрытая жизнь хаоса внутри проявленного порядка традиции составляет духовный исток, содержание и историческую судьбу в жизни этноса: «Карап турсаң өз-өзүнөн, жөнгө келет акырын».

¹ Личный архив Дурболон Жапарова № 21. Здесь использованы стихи Калыгула, записанные Д. Жапаровым из уст безвестного манасчи Азиза, отца ныне широко известного манасчи Шаабая, а также других аксакалов-аборигенов Иссык-Кульской, Нарынской областей.

В понимании Калыгула, народная традиция – вещь отнюдь не случайная, и она не конструируется путём механического сложения совокупного опыта людей, рождение этнокультурной традиции – явление исключительное и в высшей степени неповторимое в историческом контексте, поскольку она содержит в себе онтологическое уравнение, где проявлен фундаментальный переход от небытия к бытию, от тайны беззакония к законам миротворения, и в ней содержатся инклюзивные ключи для поддержания космоцентричного порядка. Корни народа, глубоко погружённые в духовное измерение традиции, придают этносу историческую долговечность, устойчивость к социально-политическим перипетиям и высшее духовное назначение: «Растительность, которая всходит на холме, уходит, а холм остаётся, беки-чинуши временны, одни уходят, другие приходят, вечен только народ» [2].

Для кыргызов духовной программой по сдерживанию имплицитного хаоса является область преданий. Поскольку этнокультурные предания открывают мир сверхчувственных знаний, предвечных образцов, приобщают к сфере первозданного миропорядка и купируют напор дионисийских могуществ, стремящихся с разрушительной силой вырваться на поверхность. Поэтому реактуализация священного предания, схваченная во всем объёме социокультурных институтов и нормативных практик, является неизбежным условием в сбережении примордиальной традиции кыргызов.

Процессы системного распада находятся в той же градуальной схеме, что и форматы этнокультурного усложнения традиции. Этот концептуальный дискурс позволял Калыгулу улавливать эсхатологический бег времени в его наиболее типологических фазах и фиксировать символические сдвиги в социокультурном устройстве кыргызского народа – демонстрировать теневую сторону вещей, обнажать неприглядную изнанку мира, выявлять зловещие гримасы хаоса. Поскольку от включённости в ретроспективный режим до полного отчуждения от примордиальных истоков пролегает целая вереница этнокультурных метаморфоз, где сужение семантических горизонтов предания

сопровождается параллельным рассыпанием антропологической целостности.

Эти суждения весьма близки к эсхатологическим антиципаниям другого провидца, современника Калыгула, зафиксировавшего “смерть Бога” или исход западноевропейской метафизики, где забвение бытия всегда сопровождается рассыпанием человеческой цельности: “...о людях, которым недостаёт всего, кроме избытка их, – о людях, которые не что иное, как один большой глаз, или один большой рот, или одно большое брюхо, или вообще одно что-нибудь большое...” [3].

По этим причинам Калыгул воспевал ушедшие времена, призывал своих современников неукоснительно следовать святым путям примордиальной традиции и жить в согласии с заветами праведных отцов – в этом залог социального единства и ключ к народному благополучию.

Для Калыгула вне этнокультурной традиции торжествуют силы хаоса, вне примордиальных устоев распадается связность времени, поэтому конец традиции для заманиста одновременно означал конец мира. По этой причине Калыгул придавал большое значение сбережению межплеменного согласия в народе как условия сохранения космоцентричного баланса в обществе: «Основа счастливой жизни – в согласии. Когда нет согласия, единства, тогда можно лишиться золотого трона» или «Общий враг у кыргызов – разлад. Конец света придёт, коль согласие, совесть и честь потеряет народ...» [4].

Калыгул своим провидческим даром отчётливо представлял приближающуюся эпоху всеобщего аморализма, где отход человека от традиции ускорит неотвратимый приход последних времён. В своей работе «Акыр заман» мы встречаем такие минорные прозрения «Крушенье мироздания близко, на пятки наступает оно» или «Сыновья станут врагами отцов, братья – недругами. Корова станет ценностью, бумажные деньги по рукам пойдут...».

Калыгул наступление конца света связывал с незванным вторжением русского самодержавия, которое разбалансирует традиционные основы кыргызского общества и навязет свои символические представления о мире. В эпоху последнего времени у кыргызов будут преобладать

чужеродные культурные ценности, они начнут говорить на языке захватчиков и будут вести оседлый образ жизни. Притом, что весь этот трансформационный процесс пройдёт под знаком социального воодушевления как долгожданное и отложенное во времени событие. Носителем этого духовного катаклизма для кыргызской традиции станет иноземный пришлый уклад: «Один на тысячу домов управителем станет, говорят...».

Чтобы передать всю глубину социальных потрясений, которую переживёт в веках устоявшийся традиционный уклад кыргызов, Калыгул наглядную непосредственность повседневного мира кыргыза выворачивает наизнанку в своих легендарных афоризмах “корова станет ценностью”, “раб станет господином”, “почитаемые люди претерпят социальный убыток”, “когда девушка с тибетейкой в руках будет бегать за джигитом” и т. д.

Калыгул выделял три этапа трансформации кыргызского общества, где каждая фаза характеризуется возрастающей степенью отчуждения от первородной традиции, что приводит к возрастанию социальной энтропии и к необратимой травматизации этнокультурного уклада [5].

Эпоха ограничений, или Тар заман. Эта эпоха характеризуется сужением светового измерения традиции. Наблюдается первичная порча нравов, несущие конструкции социальной системы начинают расшатываться. Люди станут отдаляться от своих этногенетических корней, будет возрастать культурная отчуждённость от мира преданий.

Эпоха скорби, или Зар заман. Для этого периода характерны рассыпание социальной целостности, отход от коллективных норм и общепризнанных институтов, а также смещение экзистенциальной ориентации в сторону чужеродных культурных моделей поведения. К порче нравов прирастает повсеместное страдание.

Конец света, или Акыр заман. На этой фазе распадается связь времён, мир охватывает взаимная вражда друг к другу, привычные устои мира будут вывернуты наизнанку¹, а собственная

¹ «Сыновья станут врагами отцов, братья – недругами, служанка хозяйкой станет, презренный раб – бием, а безродный знатным станет».

традиция уничтожительно и искажённо будет оцениваться с аллогенной мировоззренческой позиции. Свет традиции окончательно угасает. Кыргызский народ погружается в беспамятство. Мир застилает непроглядная тьма.

Калыгул, как и другие акыны-консерваторы, полагал, что духовно-нравственный путь, по которому следовал кыргызский народ испокон веков, являлся залогом социальной стабильности и безальтернативной этнокультурной средой по передаче духовного наследия. Однако никаких резервов прочности кыргызской традиции не хватит, чтобы устоять перед непреодолимым молохом перемен в условиях смещения мировых полюсов. В этом заключалось трагическое ядро в художественной модели мировосприятия великого заманиста и состояло идейное новаторство провидца, который с непогрешимой точностью предвидел наполнение крошечной тьмы на угасающий свет традиции.

Арстанбек Буйлаш уулу наследовал идейные традиции Калыгула и находился в самой гуще тех общественных трансформаций, которые заблаговременно предрёк его духовный предшественник. Арстанбек отразил в своём многогранном наследии последствия прихода чужеродной культуры на кыргызскую землю в произведении «Эпоха скорби» [6]. В трагически окрашенном мироощущении Арстанбека фиксировался необратимый исход традиционного измерения из динамично меняющейся жизни современников.

Наиболее типологическая особенность его творческого наследия – ярко выраженный крен в сторону идеализации минувших эпох. В представлении Арстанбека, деградация космоцентричной среды проходит сквозь знаковые энтропийные вехи, где разрушение символических звеньев единой первородной реальности приводит к рассыпанию интегральной традиции на бессвязные и взаимовраждующие элементы. Сначала меркнет первородный свет традиции, затем нарушается этническая целостность, после распадается человек, а на последнем этапе необратимо меняется космическая среда.

В «Эпохе скорби» Арстанбек с трагическим осознанием наступивших перемен фиксировал

поступательное исхождение консервативных устоев из жизни своих современников, с горечью подчёркивал пошатнувшийся авторитет традиции и с сумеречной тоской апеллировал к эпохам праведности. Арстанбек стал свидетелем поступательной деградации космической среды, стремительного расшатывания антропологических границ, изъятия всех целевых ориентиров из этнокультурного измерения кыргызов и запечатлел духовный катаклизм в её наиболее динамичной стадии.

Ностальгия о безвозвратно ушедшей эпохе отцов стала стержневой основой в его обобщении социокультурных перемен, а наступившая эпоха скудости, в которой Арстанбек жил, обогатила наследие заманистов эмпирической хроникой распадающегося мира и подтвердила провидческие прозрения Калыгула о нисходящем движении космического цикла.

Следующая яркая веха в развитии идейного наследия заманизма связана с фигурой эсхатологически настроенного Молдо Кылыча, программным произведением которого стала «Эпоха скорби», который насчитывает свыше 5000 строк. Замысел этого труда вынашивался на протяжении многих лет, и он продолжает сюжетные линии, заложенные Калыгулом и Арстанбеком, с той концептуальной разницей, что уже свершившаяся катастрофа осмысливается с исламских позиций, религиозная оптика придаёт центробежному разлёту традиционной реальности эсхатологическую глубину.

Как и его идейные предшественники, Молдо Кылыч тоскует по золотой эре всеобщего благоденствия и все надежды на её восстановление возлагает на Всевышнего. Сама же динамика исторического процесса задаётся непримиримым конфликтом правоверных хранителей древних устоев и богоотступников, людей, изъятых из сакрального измерения традиции. Этот онтологический раскол имеет непреходящую и неизбежную сущность, поскольку был задан в предначальной эре, а затем в результате человеческого грехопадения стал главным содержанием земной истории.

Начиная с Адама и Евы, Молдо Кылыч делит человечество на два враждующих лагеря:

мусульман и капыров¹. Это разделение составляет магистральную линию всей духовной и общественно-политической эволюции социальных систем. Социокультурные потрясения в кыргызском народе интерпретируются Молдо Кылычем исходя из религиозно-эсхатологических сюжетов, и эпоха великой скорби была вызвана наступлением тьмы неверия, натиском нечестивых сил:

*У этого капыра удача
Народу насилие причиняет.
Хотя и плачет, не одолеет
Его сила мусульман.
С каждым годом увеличиваются
Построенные им города.
Почему же капыры не истребятся,
Не уберёт их Бог?*

И дальше:

*Много народа подчинил себе,
Держит в повиновении
Святой мусульманский род.
Взял твои земли,
На земле хлеб посеяли.
Не слушает твоё слово,
Очень (унизил) тебя.
С русом смешали
Оставленные отцами границы.
Теперешняя эпоха – это,
Мусульманин, твоё унижение,
Скажем наконец прямо:
Дай Бог, благослови!*

Ещё один фрагмент:

*Это твоя скорбная эпоха,
Твой рыдающий период².*

Ключевая сюжетная нить «Эпохи скорби» пронизана бескомпромиссным противостоянием

¹ Иначе кафир, что значит неверующий или иноверец.

² Молдо Кылыч. Стенограмма расширенного заседания Бюро Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР (10, 11, 14 сентября 1956 г.).

мусульман и богоотступников, и в каждом случае Всевышний приносил избавление правоверным от беззаконников, посылая либо пророков, либо насылая природные катаклизмы им в помощь. Однако в скорбной эпохе, наступившей кыргызов, Молдо Кылыч не видит спасительного просвета на горизонте, не ожидает утренней зари после стгутившейся тьмы над кыргызской землей и погружается в эсхатологическую безысходность:

*Какой человек найдётся,
Чтобы выгнать (изгнать) их на свою землю?
На казаха, киргиза, алаша страдание
Нет ответа...*

Вторым по значимости произведением Молдо Кылыча является вышеупомянутое «Зилзала», которое посвящено трагическому описанию картин землетрясения, которое произошло в северной части Кыргызстана зимой 1910 года³. Духовное значение «Зилзалы» состоит в том, что оно сюжетно примыкает к «Эпохе скорби» и результирует многие минорные интуиции автора в ранее изложенных сочинениях. Сам природный катаклизм заманист интерпретирует в религиозных терминах, и оно является провиденциальным знамением конца, развернувшейся космической бездны, в которую неуклонно и стремительно скатывается безбожный мир.

Таким образом, мы видим фазовое развитие духовного наследия заманизма. Если Калыгул дискурсивно возродил и даром провидца расчертил контуры рассыпания этнокультурной традиции кыргызов, а Арстанбек засвидетельствовал нисходящую динамику распада с социокультурных позиций, то Молдо Кылыч с опорой на религиозно-эсхатологические мотивы зафиксировал её конец.

В заманизме наиболее рельефно отразился протест консервативных сил кыргызского народа против секулярной действительности, обмирщения всех сторон жизни и экзистенциального отчуждения от примордиальных истоков. Философия заманизма оставила большой

³ Это первое печатное произведение на кыргызском языке, вышедшее в свет в 1911 г. в Уфе.

и по сей день непочатый корпус описательного материала, касающегося проявлений священного в этнокультурной традиции кыргызов, где духовные практики, символы, ритуалы и провиденциальные прозрения духовидцев в суть времени составляют семантический корень консервативного измерения кыргызов. А волатильность программ развития космической среды, прочитанных сквозь традиционалистскую оптику, составляет наиболее яркий и непреходящий извод в духовном репертуаре заманизма.

Поступила: 13.12.2024;

рецензирована: 27.12.2024; принята: 30.12.2024.

Литература

1. *Жапаров Д.* Гипотеза о концепции заманизма Калыгула // Проблемы современной науки и образования / Д. Жапаров. М., 2016.
2. Калыгулдун сөзү // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Об избавлении: соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Рипол Классик, 1998. С. 100.
4. *Калыгул.* Казыбек. Казалдар. Бишкек, 1992.
5. *Акматов О.С.* Социально-футурологические идеи Калыгула Бай уулу в контексте философской антропологии / О.С. Акматов, А.А. Бекбоев, К.Ш. Карабукаев // Известия НАН КР. 2024. № 1. С. 157.
6. *Саманчин Тазабек.* Арстанбек: түз. Б. Кебекова / Тазабек Саманчин. Бишкек, 1994. С. 151.